

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“ЗА БАЗАР ОТВЕЧАТЬ НАДО...”

В ясный мартовский день 2010 года, жадно глотая весенний воздух, я прошёлся от метро “Цветной бульвар” до нашего скромного особняка и, поднимаясь на второй этаж услышал за приоткрытой дверью голос Наталии Сергеевны, завредакцией – не просто возбуждённый, но дрожащий от негодования:

– Что случилось, Наталия Сергеевна? – бросил я на ходу и шагнул к своему кабинету.

– Станислав Юрьевич! Ну поглядите, что Личутин наговорил в газете “Завтра”!

Я сбросил куртку, взял свою любимую газету и погрузился в чтение беседы Александра Проханова и Владимира Личутина, посвящённой 70-летию последнего.

“Когда я написал роман “Раскол”, – жаловался Личутин Проханову, – не встретил никакой благодарности человеческой. Печатать никто не печатал. Время тогда было, сам помнишь, какое дикое. Получалось, что я написал роман в стол. Когда опубликовали – тоже никаких впечатлений. Было только ёрничанье, что два романа есть – Леонова “Пирамида” и Личутина “Раскол”, которые никто никогда не прочитает”.

Не веря своим глазам, посмотрел на Наталью Сергеевну с немым вопросом: неужели Личутин забыл, что его роман печатался в “Нашем современнике”? Конечно же, не забыл, но, поскольку мы с ним в спорах о судьбе переделкинских дач находимся по разные стороны баррикады, то язык у него не повернулся, чтобы сказать правду, где же был впервые опубликован “Раскол”.

А Наталия Сергеевна, словно прочитав мои мысли, протянула листок бумаги с какими-то цифирками: – Я уже все подшивки за двадцать лет пролистала, вот, поглядите...

Из подсчётов следовало, что в октябре-ноябре 1993 года мы начали публикацию “Раскола”; в 1994-м году продолжили печатать с первого по шестой номер, а потом четыре номера были пропущены (автор просто не успел написать очередные главы).

Продолжение “Раскола” появилось лишь в одиннадцатом и двенадцатом номерах 1994 года, после чего я понял, что ввязался в мучительную и для журнала, и для автора и, главное, для читателей авантюру: надо было, конечно, дожидаться, пока Личутин закончит роман полностью и лишь после этого печатать его из номера в номер до самого эпилога.

Но мы легкомысленно поверили автору, поклявшемуся приносить нам очередные главы в каждый номер, прямо, как говорится, с колёс.

1994-й год начался благоприятно, “Раскол” был опубликован в первых шести номерах, но потом роман опять исчез со страниц на целых четыре месяца и появился лишь в одиннадцатом и двенадцатом номерах. Бедные наши читатели! За несколько месяцев перерыва в чтении они забывали о сюжете (весьма сложном), о судьбах героев (весьма непростых), о своих собственных впечатлениях. Валентин Распутин, которому я в отчаянье рассказал о катастрофе с “Расколом”, как мог утешал меня: “Ну что делать, Стас, это же не просто роман, это эпопея! Терпи...” Я терпел, но в 1995 году не получил от Личутина ни одной главы. Та же самая картина обозначилась в начале 1996 года. Потеряв терпение, мы решили извиниться перед читателями и на этом закончить публикацию “Раскола”. Но Личутин взмолился (“Лев Толстой собирался написать роман о расколе, но отступил, а я не отступлю!”), и с марта по июнь 1996 года несколько глав появились на страницах журнала. Печатали “с колёс”, и однажды в полной суматохе, когда запутавшийся в своих рукописях автор принёс главу, ранее напечатанную в журнале, сотрудники, опупевшие от эпопеи, опубликовали её во второй раз...

1997-й год для несчастных читателей стал предельно издевательским: полгода без “Раскола”.

После июльского и августовского номеров – опять пустота на 2 месяца и – наконец-то! – в ноябре-декабре мы завершили этот самоубийственный подвиг, осуществившийся в двадцати номерах журнала и растянувшийся аж на четыре года! Так что Личутин лукавит в беседе с Прохановым, когда говорит: **“Получилось, что я написал роман в стол... печатать никто не печатал”**. Неправда, роман создавался на протяжении четырёх лет и одновременно печатался в “Нашем современнике”

Начинали мы публикацию эпопеи, когда у “Нашего современника” тираж был более чем 60 тысяч, а закончили при 14-ти тысячах.

Но всё равно – эти 14 тысяч в то время проходили через несколько десятков тысяч читателей. Для сравнения вспомню, что полностью отдельным изданием “Раскол” вышел лишь трёхтысячным тиражом. А ещё вспомню, что счастливый и благодарный в те времена Личутин подарил мне книжное издание “Раскола” с трогательной надписью: “Станиславу Куняеву, дорогому человеку, с поклоном”.

В наш разговор с Наталией Сергеевной вмешался мой заместитель Геннадий Михайлович Гусев:

– Начиная с 1993 года Личутин не печатался ни в одном журнале, кроме нашего. Вот что мы опубликовали после “Раскола”. В 1999 году в четырёх номерах книгу его очерков “Душа неизъяснимая”, в 2001 году роман “Миледи Ротман” – тоже в четырёх номерах, в 2002 году повесть “Сукин сын”, в 2008 году очерк об октябрьских событиях 1993 года. А уж о хвалебных статьях к его юбилеям, рецензиях, поздравлениях с портретами на обложках и говорить нечего. Из них целую книгу составить можно!

Я сам в первом номере журнала за 1995 год писал в статье “Читатели и надзиратели”:

“Мы верим, что читатель “Нашего современника” поймёт напряжённость историософских исканий Владимира Личутина, обратившегося к первому надлому русской истории – церковному расколу XVII века. Удивителен язык личутинского романа – северный, заповедный, настоящий на аромате столетий... Мы верим – нашему читателю придётся по душе древняя красота северных речений”.

...Наталия Сергеевна в это время нажимала кнопки калькулятора и объявила:

– За десять лет, с 1993-го по 2003 год, мы издали 120 номеров журнала, из которых в тридцати одном были напечатаны все произведения Личутина, написанные за десятилетие, общим объёмом 80 печатных листов. Трижды он был лауреатом премии “Нашего современника” – в 1994 и 1997 годах за “Раскол”, а в 1999 году за “Душу неизъяснимую”.

Так что не прав лучший друг Владимира Личутина и неутомимый пропагандист его творчества Владимир Бондаренко, который пишет в статье “10 книг десятилетия” (“Завтра № 1, 2011 г.) что **“Личутин – явно недооценённый писатель”**, **“Личутина как-то осознанно вываливали из литературного гнезда то справа, то слева. Такой одинокий, тоскующий**

странник”, “Искренне жалею, что так и не прозвучала личутинская “Миледи Ротман”. “Миледи Ротман” мы, повторяю, напечатали — а это значит, что она “прозвучала”. Напечатали! — и это для писателя главное. А что ты, Володя, хотел, чтобы “Наш современник” ещё сделал для Личутина? Выдвинуть его на Нобелевскую премию? — Бесплезно. Заставить каждого читателя России прочитать роман “Раскол” и все 80 печатных листов, что печатались в “Нашем современном”? — Невозможно. Включить его произведения в школьные хрестоматии? — Мы не в силах. Воздвигнуть ему памятник в Мезени? При жизни — неуместно. А там как земляки решат... Согласись, что мы для нашего классика в самое трудное для русской литературы двадцатилетие сделали всё, что могли.

Однако, если говорить всю правду, отношения Личутина с журналом испортились до его семидесятилетия. Это случилось, когда он принёс в редакцию новый роман “Беглец из рая”. Все, кто прочитали роман — Александр Сегень, Андрей Воронцов, Геннадий Гусев, пришли к единому мнению: это неудача писателя, и высказались против публикации романа. В романе множество страниц из московской жизни, недостойных личутинского таланта, уместных лишь в каком-нибудь криминально-сексуальном детективе.

Но, не желая терять любимого автора, я тогда сказал ему: “Володя! Ты, избалованный нами, принёс роман в 500 страниц, а это — четыре журнальных номера. Но в романе есть немало глав надуманных, многословных, их надо убрать или сократить. Давай сделаем журнальный вариант. Не доверяешь нам — пусть эту работу сделает твой друг и знаток твоего творчества Володя Бондаренко. И в двух номерах опубликуем, а в книге печатай целиком, если хочешь. Но не советую”.

Однако Личутин, закосневший в своей гордыне, разругался с нами и написал заявление о выходе из Общественного совета журнала. Вслед за ним из солидарности покинул его и Александр Проханов. Но Бондаренко, как самый расчётливый из друзей, остался. Ну что делать? Мы пережили этот “патриотический шантаж”, но в долгу не остались и сочинили хлесткую эпиграмму, в которой высмеяли нашего классика, автора романа “Бегство из рая”.

*Личутин! Ты бежишь из рая?
Куда бежишь? В конце концов
тебя постигнет волчья стая —
Куняев, Сегень, Воронцов.*

Володенька нашей шутки не понял и в марте 2009 г. на VIII съезде писателей России взял реванш, обрушившись на “Наш современник”, обвинив главного редактора в том, что он **“превратил журнал в частную лавочку”**, что он **“стар и не может руководить журналом”**, что он возглавил **“рейдерский захват Литфонда”** и т. д. Но этого мезеньскому правдолюбу показало мало, он настроил статью “Вниз по склону под фанфары” и стал предлагать её разным изданиям. Статья была плаксивой и коварной:

“Станислав Куняев присвоил журнал “Наш современник”, мягко говоря, утащил из Союза писателей воровски <...> но зачем было у нищего Союза писателей уводить последнее, чем гордились патриоты, его исторический бренд? Да и то, братцы мои, почему плуты растащили заводы, банки, приислы и земли, а тут какой-то жалкий домишко на Цветном бульваре”; “Я не раз приступал к Станиславу: “Стасик, передай журнал молодому. Вспомни, когда уступил тебе Сергей Викулов “Наш современник”, ему едва было за шестьдесят... не затирай пути молодой поросли”.

Ну что на это ответить. артистическому лгунишке? Разве только то, что на обложке “Нашего современника” стоят три слова: “журнал писателей России”, а на следующей странице сказано, что учредителем журнала является “Союз писателей России”, а ещё добавить, что **“домишко на Цветном бульваре”** принадлежит не Станиславу Куняеву и не коллективу редакции, а Московскому имуществу, с которым редакция раз в пять лет не без хлопот и тревог заключает финансовый договор на аренду.

А что касается вопроса о том, кто и чего “увёл” у “нищего Союза писателей”, то лучше бы Личутин полюбостовствовал, каким образом его дружки по Переделкино Ю. Поляков и В. Ерёмченко акционировали и приватизировали,

то есть “утащили” у Союза писателей “воровски”, один – “Литературную газету”, а другой “Литературную Россию”. Пусть он поинтересуется, какой пакет акций принадлежит каждому из них и сколько он стоит по сегодняшней рыночной цене. Но смотри, Володя, во многом познании много скорби, как бы тебе при этом не заболеть от зависти.

А твой Юра Поляков помимо “литгазетовских” акций прихватил у Литфонда переделкинский дачный участок, о чём сегодня мечтает и Ерёменко, и Феликс Кузнецов, и все они тебя, мезеньского несмышлёныша, на этот же путь толкают. А Станиславу Юрьевичу Куняеву в “Нашем современнике” ничего не принадлежит, кроме писем, приходящих на его имя, кроме книг с дарственными надписями от друзей, нескольких почётных грамот, висящих на стенах, да фотографий в ящике стола, где мы все выглядим молодыми и бескорыстными.

А что касается моего почтенного возраста, то он мне не помеха в руководстве журналом. Опираясь на свой опыт, я поставил дело так, что подписной тираж “Нашего современника” сейчас вдвое больше, чем у “Нового мира”, втрое больше, чем у “Москвы”, “Знамени”, и “Октября”, в пять раз больше, нежели у “Молодой гвардии” и “Дружбы народов”. А ведь всеми этими журналами руководят люди куда моложе меня, иные из них мне в сыновья годятся. К тому же “Наш современник” за эти 20 лет всегда был кузницей молодых кадров, в его стенах прошли хорошую школу журнальной работы Александр Сегень, Андрей Воронцов, Евгений Шишкин, Сергей Куняев, Андрей Писарев, Вячеслав Огрызко, Алексей Кожевников, Сергей Фомин, Дмитрий Галковский, Вячеслав Морозов, Алексей Широпаев, Марина Белянчикова и многие другие. Я никогда не боялся приглашать молодых литераторов в журнал – и как авторов, и как сотрудников. Я до сих пор, когда пишу что-либо для журнала, по-своему соревнуюсь с ними. И, по-моему, ни в чём им не проигрываю – к нашему общему удовлетворению. Так что “играющий тренер” или “старый конь” борозды пока не портит. Между прочим, думая о том, кто будет во главе журнала после меня, я уговорил Юрия Поликарповича Кузнецова войти в состав сотрудников “Нашего современника”. Но судьба перечеркнула все мои планы.

А ты, Володя, злобствуешь ещё и потому, что сам никогда не умел работать на ответственных должностях. Не умел и боялся. Такие закомплексованные люди могут разрушать, но созидать – никогда. Когда с трибуны VIII-го съезда писателей России ты страстно доказывал, что Куняев и Ганичев по старости уже не могут руководить – один журналом, а другой Союзом писателей, я вспомнил, как точно так же Личутин ниспровергал в начале 90-х годов с поста руководителя Союза писателей СССР Владимира Васильевича Карпова. Довёл его, Героя Советского Союза, боевого разведчика, талантливого писателя, своими злыми насмешками до отчаяния, и Карпов подал в отставку, не выдержав клеветнических унижений. И что в итоге? Через несколько месяцев, в августе 1991 года Союз писателей, не имея твёрдого руководства, развалился, и власть перешла в руки Оскоцкого и Евтушенко. Вот чего добился Личутин, никогда и нигде серьёзно не работавший, ни за что не отвечавший, ничего не умеющий, кроме как с истерическим кликушеством предавать анафеме с трибуны неугодных ему писателей.

Помнится, позже Александр Крутов взял его в журнал “Русский дом”, но и там он из-за своего склочного характера продержался не более двух-трёх месяцев. Однако обвинять всех и вся с болтливой развязностью не отучился.

В бондаренковском “Дне литературы” № 2 за 2011 год опубликована его статья “Раскол сознания”, в которой он, как профессиональная плачеха, оплакивает прозу журнала “Наш современник” последних двух десятилетий:

“Многие писатели туда не ходоки; отошьют. Унынием несёт с его страниц, где если и чувствуется почва, то неродящая, какие-то мхи и супесь. Давно всё пережито, пережёвано на десятки раз, вяло, пустомясо и безъязыко, и это в наши дни, когда русская деревня особенно, как никогда прежде, упала в печаль и разор, вопит о себе и не находит помощи. Редко когда проклянется рассказ, родной по национальному чувству, отзывистый, полнокровный, энергический, где всё при месте, не ампутировано штампом. Давно не печатались романы и повести, когда, читая, хотелось бы заплакать, по-коровьи зареветь, удариться в слёзы, когда бы сердце зашло от последней явленной правды, когда образы во всей полноте открывали бы всю красоту и мятежность природы и русского человека.

С редактором у меня не раз зачинался разговор о литературе, десятка, захихнули её на задворки за ненадобностью. Куняев же отвечал мне с непонятной обидой: “А зачем романы? Только место занимают... Нам не нужны художественные вещи”. Это прозвучало так неожиданно, что меня взял столбняк, и отнялся язык”.

Думаю, что самовлюблённый Личутин на протяжении этих двадцати лет просто не читал журнала и поэтому “не заметил” на его страницах не только романов, повестей и рассказов многих талантливых русских писателей, но даже своей собственной прозы. От злости, что ли, ему так отшибло память? Я, который якобы когда-то сказал Личутину, что “нам не нужны художественные вещи”, напому ему, какую художественную прозу он “проглядел” за это двадцатилетие. Пусть он задумается, почему многие известные прозаики России всё лучшее, что было написано ими в гильдии для русской литературы время с 1990-го по 2010-й год, печатали **ТОЛЬКО** в журнале “Наш современник”? Может быть, потому, что не могли или не хотели публиковаться в других журналах? Или потому, что понимали особое значение журнала для русской литературы? Или потому, что атмосфера в журнале была для них родной и желанной, и они знали, что их здесь поймут и оценят? Перечислю их. Это Ирина Головкина (Римская-Корсакова) – роман “Побеждённые”. Это заветный роман Леонида Леонова “Пирамида”. Это романы Юрия Бондарева “Искушение” и “Бермудский треугольник”, а также его “Мгновения”. Это ты сам, Володенька, но о тебе всё сказано выше. Это Владимир Солоухин с повестями “Солёное озеро”, “Чаша”, с “Камешками на ладони”. Это Валентин Распутин со знаменитой повестью “Дочь Ивана – мать Ивана”, с рассказами “Изба”, “В ту же землю”, “Нежданно-негаданно”, “В больнице”, “Новая профессия”, “На родине”. Это Василий Белов с романами “Год Великого Перелома” и “Час шестый”, с повестью “Родная кровь”, с книгой “Воспоминаний”. Это твой любимый Александр Проханов с шестью (!) романами: “Ангел пролетел”, “Дворец”, “Красно-коричневый”, “Последний солдат Империи”, “Экстремист”, “Стеклодув”, с повестями “Чеченский блюз” и “Идущие в ночи”. Это Альберт Лиханов с повестями “Никто”, “Сломанная кукла”, “Слётки”, “Ложачик не бьют”... Это романы Леонида Бородина “Третья правда” и “Божеполье”. Это все до единой страницы разножанровой прозы, написанной за два десятилетия Виктором Лихоносовым. Это повести Крупина “Великорецкая купель”, “Прощай, Россия, встретимся в раю” – и многие другие, всего около десятка.

Это пять повестей Юрия Убогого, три романа Бориса Шишаева, все романы, повести и рассказы Юрия Лощица, почти все повести Михаила Тарковского и Веры Галактионовой...

Я перечислил “однолюбов”, для которых лишь один свет в окошке – “Наш современник”. А кроме них сколько незаурядных авторов в эту эпоху побывало в журнале! Эдуард Лимонов, Михаил Чванов, Олег Волков, Михаил Ворфоломеев – все с лучшими своими рассказами, Виктор Астафьев с “Затесями”, Дмитрий Балашов с очерками и романом “Похвала Сергию”, Сергей Есин с повестью “Стоящая в дверях”, Юрий Козлов с “Геополитическим романсом” и Юрий Поляков, на которого Личутин молится, с повестью “Грибной царь”... Не забыть бы ещё прозу Глеба Горышина, Михаила Попова, Евгения Шишкина, Александра Трапезникова, ещё одного Михаила Попова – архангельского, земляка Владимира Личутина, рассказы Вячеслава Дёгтева, повести Сергея Михеенкова...

А если вспомнить чисто “деревенскую прозу”, в полном отсутствии которой обвиняет наш журнал Владимир Личутин, то я напому ему о романе покойного Ивана Васильева “Крестьянский сын”, о повестях и рассказах Анатолия Байбородина с языком не хуже личутинского, о Борисе Екимове с рассказами из деревенской жизни, о повести “Затёски к дому своему” Леонида Кокоулина, рассказах и очерках Александра Арцыбашева... Любопытнейшей была публикация неоконченного романа Владимира Богомолова “Жизнь моя, иль ты приснилась мне?..”

Постыдился бы наш мезеньский сочинитель выдумывать, будто я сказал ему, что “нам не нужны художественные вещи”... Нам не нужны романы, публикация которых растягивается на четыре года. Что правда – то правда.

Понимают ли Личутин с Бондаренко, сколько талантливых писателей они оскорбили “по-чёрному”, когда один написал, а другой напечатал о прозе

журнала, что **“унынием несёт с его страниц... давно всё пережито, пережёвано на десятки раз** (так в оригинале. – Ст. К.), вяло, пустомясо и безъязыко”? Это что – Проханов пишет “вяло”? Вера Галактионова “пустомясо”? Василий Белов и Валентин Распутин “безъязыко”? Простите меня, но “за базар отвечать надо”.

Когда Личутин надумал выйти из редколлегии журнала, он написал заявление со словами о причинах своего решительного поступка:

“Я никоим образом не могу воздействовать и влиять на политику и качество журнала, которые меня не удовлетворяют”. Но единственное произведение, которое за истекшие двадцатилетие настоятельно попросили меня опубликовать в журнале трое членов Общественного совета журнала – Проханов, Бондаренко и Личутин, – был детективный роман их друга по компании “сорокалетних” Анатолия Афанасьева “Зона номер три”. Я уступил им и напечатал этот детектив: как говорится, дружба требует жертв.

Понимая, на что иду, я написал предисловие к той публикации. Вот оно.

“Роман Анатолия Афанасьева “Зона номер три” вызвал у сотрудников редакции немало сомнений... Он, конечно, написан мастерски, но... по канонам голливудских боевиков с их безмерным и всегда бутафорским изображением убийств, крови, противостояния добра и зла, упрощённого, как правило, до схем “преступник – полицейский”... Декоративное, и потому шаблонное, изображение злых и добрых суперменов, кинематографическое обилие коллективных и индивидуальных схваток, плакатное разделение “чёрного” и “белого” – конечно же, выводит это произведение из основной прозаической традиции нашего журнала с её психологизмом, многомерностью и сложностью характеров, с неизменным, пусть иногда “за кадром” присутствующим религиозным ощущением человеческой и народной судьбы... Однако члены редколлегии и постоянные авторы журнала Александр Проханов, Владимир Личутин и Владимир Бондаренко без колебаний стали уверять нас, что наши опасения напрасны, что роман, бросающий вызов сегодняшнему режиму и образу жизни, будет понят и принят читателями. И мы решили пойти на этот риск – с одной оговоркой: коль вы уверены в своей правоте, то попробуйте и сами убедить в ней нашего читателя, напишите свои отзывы о романе, а мы опубликуем их в виде “рекламных пауз”, которые так естественны для произведения, написанного в необычном для журнала жанре... А кто уж из нас прав – наша уважаемая тройца, с мнением которой мы не можем не считаться, или мы с нашими осторожными опасениями, – судить тебе, наш верный подписчик и друг.

Итак, публикуем роман и ждём на него ваших отзывов, уважаемые читатели “Нашего современника”.

Роман появился на страницах “Нашего современника” вместе с тремя хвалебными “рекламными паузами”, “вмонтированными в текст”, но они не помогли – нашим читателям эта проза была неинтересна. Полторы сотни драгоценных журнальных полос были использованы и выброшены, как одноразовая посуда.

Личутин до сих пор требует от меня: “Стасик! – передай журнал молодому”. Да я бы, Володя, давно тебе передал, если бы не помнил одну некрасивую историю. В конце восьмидесятых годов прошлого века съезд Союза писателей России утвердил тебя в должности главного редактора журнала “Октябрь”, предварительно сняв с этой должности Анатолия Ананьева за публикацию гнусного пасквиля Андрея Синявского “Прогулки с Пушкиным”. Тебе тогда было всего-то сорок с лишним лет. Но ниспровергатель Карпова, Куняева и Ганичева оказался храбрым лишь на словах, струсил войти в кабинет Ананьева и сесть на его место. А если бы осмелился на этот мужской поступок, то, глядишь, одним патриотическим журналом у русских писателей было бы больше. Нет, Личутин, выступать с трибуны скандально ты можешь, а как ближе к делу, так у тебя кишка тонка...

... Весной 2010 года, когда приближалось 70-летие Владимира Владимировича, мои сотрудники стали убеждать меня, что нам не следует поздравлять Личутину с юбилеем. За немужское кликушество, за неблагодарность по отношению к журналу, за человеческую склочность...

Но я вспомнил все молодые замечательные повести Личутина: “Обработано – время свадеб”, “Крылатая Серафима” и особенно “Дивись-гора” о жиз-

ни на поморской реке Сояне, где я бывал не раз и с женой, и с сыном. Вспомнил, как вместе с Володей Личутиным мы были на легендарной Мегре, куда я взял своего друга по его настоятельной просьбе. После трудового дня, намахавшись спиннингами, мы, бывало, сидели возле костра, на котором закипала уха. Улов наш в тот день был скромным, всего две семужки – одна небольшая, которая пошла в уху, другая, килограмм на шесть, лежала поодаль в кустах. Её надо было разделать и засолить. В тёмном высоком небе над туманными болотами стелились рыдающие крики гусей. Их извилистые клинья тянулись к югу, и когда попадали в зеленоватую полосу северного сиянья, мы видели их в чёрном небе, пока они не погружались в сентябрьскую тьму...

К берегу на костерок причалила моторка, в которой сидели незнакомые нам геологи. Мы пригласили их к костру, открыли бутылку, выпили, разговорились. Они сплавлялись в деревню, целый день на сплаве рыбачили, но ничего не поймали. Я заметил в их лодке ладную железную печурку.

– Мужики! Давайте меняться. Вы нам печку – мы вам рыбу. Мы ещё поймаем, а вам завтра надо к вертолёту.

Ещё выпили и ударили по рукам. На рассвете ребята столкнули лодку на глубину и рванули стартёр. “Буржуйка” осталась с нами, и мы с Володей решили спрятать её понадежней, чтобы на следующий год поставить в глубине сосняка зимовьюшку с настоящей печкой. Мы вырубил жердину, насадили на неё тяжёлую “буржуйку” и потащили в глубь соснового бора, где нашли вывернутую листовницу, под корневищем которой и закопали наше драгоценное приобретение.

Володя пошёл обратно к лагерю, а я побрёл на Север вдоль ручья, вытекавшего из озера, которое должно было находиться в двух-трёх километрах. Захотелось мне поглядеть на него.

Озеро было в зарослях ивняка и ольхи, из-за которых неслись звонкие голоса лебедей. Раздвигая кусты, кое-как я пробрался в броднях к воде и увидел несколько белоснежных лебединых пар, оглашающих нежным курлыканием озёрную гладь... Я сел на поваленный на берегу ствол и долго смотрел на птиц, слушая трубные звуки их серебряных, протяжных, стенающих голосов...

К вечеру я возвратился на стоянку. Недовольный Личутин хотел “разогнать” меня, но я прочитал ему стихотворенье, которое само собой написалось на берегу безымянного озера.

*Тишина. Ни собак, ни людей
здесь не видно со дня сотворенья.
Только свадебный стон лебедей,
только царственный блеск оперенья.*

*Только ягель да зубчатый лес,
да в безмолвные белые ночи
тусклый пламень полярных небес
отражают озёра, как очи.*

*Если есть в человеке душа,
да придёт она после разлуки
под струящийся шум камыша
на озёрные эти излуки,*

*пусть останется с миром вдвоём
без меня на закате багряном
и бормочет о чём-то своём,
безымянная над Безымянным.*

*Пусть витает в пустынном краю,
о прошедшей судьбе забывая,
и да встретит её, как свою,
лебединая белая стая.*

Личутин, хотевший растерзать меня за то, что я так долго не возвращался к ночлегу, услышав стихотворенье, налил по стопке, мы выпили, и он, шмыгнув носом, смахнул со своей рыжей бородёнки то ли сопелюжку, то ли

нечаянную слезу... Мы залезли в палатку и заснули под нежный свист ночного ветра, а когда проснулись, то наше кострище и полог палатки были покрыты тонким слоем белого снега...

К полудню за нами пришёл на моторке Самсон Кулаков из деревни Мегра, а к вечеру он доставил нас вдоль высокого торфянистого берега Белого моря в деревню Ручьи, откуда мы должны были на “аннушке” вылететь на другой день в Архангельск.

Вечером мы сидели на крыльце громадного поморского дома у приютившей нас старенькой вдовы-солдатки Евлампии Вячеславовны и глядели, как во время отлива вода “заживала” и, шипя, скатывалась с песчаной плотной кромки, а тяжёлые рыбацкие лодки грузно ложились на плотное дно. А на холме справа стояла разорённая деревянная церковь, словно бы врезанная в алый закат.

Я вспомнил все эти дни и печально сказал своим молодым “волчатам”:

— Человечишко он, конечно, мелкий, но писатель замечательный. Зря мы, что ли, так обильно его печатали, как никого другого! Поставьте на вторую полосу обложки красивый портрет молодого Личутина, а под ним вот это поздравление:

“Редакция журнала поздравляет известного русского писателя Владимира Личутина, публиковавшего свои лучшие произведения 90-х годов прошлого века в “Нашем современнике”, с семидесятилетием и желает ему дальнейших достижений в жизни и творчестве”...

Зимовьё в сосняке мы, конечно, не срубили, а где и под каким корневищем закопана наша железная печка — я уже и не вспомню...

Господи! Сколько воды утекло с той поры в Мировой океан из чёрной Мегры, из светлой Сояны, из многоводной Мезени...